

25 КЛЮЧЕВЫХ КНИГ ПО ФИЛОСОФИИ

Жан-Поль Сартр (1905–1980)

Глава 4. Современная философия

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 23. Жан-Поль Сартр (1905–1980)

«Проблемы метода» (1960)

Философия Сартра тесно связана с его жизнью и литературным творчеством. Он действительно был образцом, с которым отождествляли себя, по крайней мере, два поколения. Духовное влияние Сартра и его всемирная известность связаны со всем разнообразием его творчества: роман, пьеса, биография и автобиография, литературная критика, политическое эссе, репортаж, кинематограф, журналистика, радио, политическая борьба. Сартр как явление возникает в то время, когда необходимыми становятся средства массовой коммуникации. Его личная жизнь, связь с Симоной де Бовуар сыграли для его известности не меньшую роль, чем творчество, отмечает Реми Хесс, во введении 23 главе своей книги посвященный анализу и комментарию сочинению Жан-Поль Сартра «Проблемы метода».

Его философское творчество насчитывает три трактата: «Воображаемое» (1940), «Бытие и ничто» (1943) и «Критика диалектического разума» (2 тома, 1960, 1985). Основой философии Сартра является существование. Он ставит перед собой вопрос о том, что создает личность.

С одной стороны, существуют социальные и учредительные установки: мы являемся продуктом жизненного окружения (семья, вписанная в общественный класс, время, система производства, культура). С другой стороны, есть действия личности, направленные на самосозидание: Важно не то, что сделали с нами, а то, что делаем мы с тем, что сделали с нами (Сент Женэ, 1952). Всю свою жизнь Сартр не переставал задавать себе этот вопрос, и его Флобер – попытка показать, как этот писатель, происходивший из мелкобуржуазной нормандской семьи, стал автором, которому удалось отразить свою эпоху.

Книга «Слова» (1954–1963) представляет собой автобиографию детства. В ней он говорит о своем «литературном неврозе: дружные всходы». Будучи ребенком, Сартр искал в культуре средство самопородиться, воспроизвестись, стать дитем своих произведений, превратившись в книгу. Под влиянием бабушки литература заменяет мальчику отсутствующего отца. В «Словах» Сартр далее говорит, что теперь он вылечился от этого невроза, который, однако, составляет теперь основу его характера, ибо «нельзя вылечить от себя».

Сартр, охваченный порывом познания своего «бытия-в-мире», обнаруживает «смежность» – понятие, которое он разрабатывает впоследствии, открыв для себя Гуссерля. Смежность – это чувство «быть лишним в мире». Если взять высказывание Мишеля Конта, его биографа, то «Я мыслю» Декарта в применении к Сартру звучало бы так: «Я – лишний, стало бытия существую». Это «лишний» переживается как чувство существования, как тошнота.

Смежность – это то, что я наследую. В то же самое время одновременно мое существование поддерживается только движением, с помощью которого я проникаю в свое бытие, планируя себя на будущее, которое не решается заранее; наоборот, я чувствую, что должен свободно его реализовать.

Как только я соглашаюсь жить, я становлюсь ответственным за свое существование. Такое принятие жизни произвольно. Оно предшествует любому желанию жить. Только самоубийство является произвольным. Это та ситуация, в которой воля уничтожает саму себя. По мнению Сартра, человек приговорен быть свободным. Ситуация, в которой появляется такая свобода, является данной и не выбирается: я не выбираю свое тело, как не выбираю и свое историческое, географическое, общественное и прочее место, но я несу ответственность за тот смысл, который вкладываю в совокупность этих фактов.

Чтение Бергсона в 1923 году во время подготовки к поступлению в Педагогический институт натолкнуло Сартра на мысль заняться философией и разработать понятия смежности, свободы, ответственности, произвольности. В 1924 году, уже в институте, он знакомится с работами Шопенгауэра и Ницше, изучает Декарта и Спинозу, а также идеалистический рационализм – официальную философию, где ничего не было сказано о Гегеле и Марксе.

По мнению Хесса, долгое время, на протяжении тридцатых годов, Сартр оставался аполитичным и не примыкал ни к одной из партий, тогда как все интеллектуалы его возраста активно жили этим. С 1931 по 1939 год он преподает философию в лицеях Гавра, Лаона и Парижа, за исключением 1933–1934 годов, когда один год он провел в Берлине. Сартр не замечает нарождающегося нацизма и изучает Гуссерля. В эссе о «Трансцендентности эго» (1934) он удаляет его из сознания. В этой работе «Я» предстает как квазиобъект, задуманный само-

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 23. Жан-Поль Сартр (1905–1980)

познающим сознанием. «Я» находится «вне», как все объекты мира. Бели любое сознание является сознанием чего-то, то здесь не может быть внутреннего содержания, «задних планов», психологии («Основная мысль феноменологии Гуссерля: интенциональность», 1939 год).

Чтение «Бытия и времени» Хайдеггера дает значительный импульс развитию Сартра. Чтобы учесть и в то же время не впасть в пессимизм Хайдеггера, он пишет «Бытие и ничто». Во время войны Сартр глубже входит в атмосферу эпохи, открывает для себя историю. От размышлений о нравственности он переходит к размышлениям о нравственности праксиса. Идея ответственности, связанная с осмыслением свободы, ведет к политическому выбору в мире, разрываемом жестокими социальными конфликтами. Сартр встает в ряды сопротивления на стороне коммунистов. Тогда же он сталкивает свою мысль с марксизмом и марксизм со своей мыслью. В той мере, в какой коммунизм ставит целью развитие людей путем устройства общества без классов и границ, он совпадает с требованиями свободы. В то же время коммунизм овеществляется, учреждается, пример этому – деспотическое государство Сталина. Сартр, подвергаясь нападкам коммунистов как классовый враг, пытается осмыслить марксизм как философию и науку («Материализм и революция», 1946), пишет Хесс.

Надеясь на становление новой политической силы между двумя блоками, Сартр решает идти вместе с коммунистами, попутчиком которых остается до 1968 года. Со временем он становится все более критичным и поддерживает коммунистов-оппозиционеров (которых сегодня называют реформаторами). В 1957 году для одного польского журнала он пишет статью «Проблемы метода», которую впоследствии делает первой частью «Критики диалектического разума». Реми Хесс пишет, что вначале рассматривал вариант представить именно эту книгу. Но ему кажется, что в «Проблемы метода» достаточно информационно насыщенный текст, чтобы описать вклад и особенно метод, который разрабатывает Сартр после прочтения статьи Анри Лефевра и который он применяет в своих последующих исследованиях (Флобер).

Резюме

Как Сартр пишет в предисловии к изданию 1960 года, «Проблемы метода» – это произведение, приуроченное к случаю. Он поясняет, что один польский журнал, решив посвятить номер Французской культуре, предложил ему написать статью о «Положении в экзистенциализме в 1957–2000», а Анри Лефевра как марксистскому философу было предложено поместить в том же номере «Противоречия и развитие марксизма во Франции в последние годы». Сартр говорит, что не любит ни говорить об экзистенциализме, ни определять его. Это поиск, находящийся в вечном движении. Сартр не хочет высказываться об этой теории познания как о чем-то законченном, отжившем. Поэтому он решил внести свой вклад в крупномасштабный спор о философии, занятой разрешением внутреннего конфликта между существованием и знанием. Его сочинение, озаглавленное вначале как «Экзистенциализм и марксизм», было впоследствии значительно переработано и вышло под заголовком «Проблемы метода» в Новом времени. Сартр ставит вопрос: «Есть ли у нас сегодня средства составить структурную и историческую антропологию?»

Сочинение делится на три части: марксизм и экзистенциализм, проблема посредничества и прогрессивно-регрессивный метод.

Марксизм и экзистенциализм

Сартр поясняет, что философия никогда не дается как что-то множественное, она всегда «одна». В данный момент всегда есть только одна живая философия. Философия формируется для того, чтобы дать той или иной эпохе «свое видение общего движения общества». Она позволяет «поднимающемуся классу» обрести самосознание. Картезианство позволило юристам, коммерсантам и банкирам осознать себя. Кантианство дало возможность производителям, инженерам и ученым создать универсального человека, в котором они нуждались.

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 23. Жан-Поль Сартр (1905–1980)

Чтобы быть поистине философским, отражение существования должно быть, кроме того, подведением итогов современного знания: «Философ осуществляет унификацию всех знаний, сообразовываясь с некоторыми основными комплексами ощущений, которые передают отношение и технику поднимающегося класса относительно своего времени и мира».

В один прекрасный день, когда общество разовьется, эта объяснительная система станет устаревшей, отжившей. Тогда философская система становится идеей, моментом человеческой мысли, моментом ее развития. Таким образом, любая философия вначале практична: «Она (философия) остается эффективной до тех пор, пока остается живым праксисом, породивший ее, вынашивающий ее и развивающий». Так, картезианство вдохновило Гольбаха, Гельвеция, Дидро и даже Руссо. Философия – это одновременно подведение итога знания, метода, регулирующей Идеи, наступательного оружия, общности языка. Это видение мира, которое перерабатывает загнившие общества.

С XVII века Сартр выделяет три крупных философских момента: «момент» Декарта и Локка, «момент» Канта и Гегеля и, наконец, «момент» Маркса. Эти три философии становятся, каждая в свою очередь, рамками любой частной мысли и любой культуры, пока не заканчивается «исторический момент», на который они указывают.

Нельзя назвать философами тех мыслителей, которые призрачивают идею, пересматривают ее и подгоняют в зависимость от того, может ли она вписаться в философию «исторического момента». Это люди относительные, которых Сартр предлагает называть идеологами. Так, экзистенциализм – это идеология. Это паразитическая система, которая первое время живет за пределами Знания (марксизм), а затем пытается внедриться в него.

Когда-то гегельянство было самым значительным философским подведением итога. По сравнению с Гегелем Кьеркегор кажется ребенком, едва освоившим счет. Он интегрируется в гегелевскую систему. Но как раз именно это Кьеркегор и оспаривает: «Существующий человек не может ассимилироваться системой идей». Но если Кьеркегор требует чистой частной субъективности в обмен на объективную универсальность сущности, то это вовсе не мешает его мысли целиком вписываться в гегелевский момент философии. Напряженность между Гегелем и Кьеркегором является отражением этой проблемы. Гегель прав, а Кьеркегор ошибается.

Если в противоположность Кьеркегору Маркс преодолел гегельянский момент, то это благодаря тому, что он заменил вопрос знания, поставленный Гегелем, на вопрос праксиса. Недостаточно знать мир, его надо изменять, производить. Человек перестал быть абстрактным, теперь он конкретный. Маркс прав в отличие и от Кьеркегора, и от Гегеля, потому что в полемике с первым он утверждает специфичность человеческого существования, а со вторым – рассматривает конкретного человека в его объективной реальности.

Развитие мысли связано уместностью поднимаемого вопроса относительно историчности. Если экзистенциализм уместен в случае с Кьеркегором, то в случае с Жаспером в XX веке он имеет уже иное историческое соответствие. Идеология Жаспера была образом действия наполненного. Она отражала желание мелкой буржуазии отстоять свои позиции путем утверждения аристократии души: «Жаспер регрессирует в историческом движении, потому что направляет реальное движение праксиса в абстрактную субъективность, единственной целью которой является достижение определенного глубоко личного качества».

Своим присутствием философия преобразует структуры знания. «Господствующими идеями являются идеи господствующего класса», – говорит Маркс. «Он прав», – считает Сартр, используя его пример, чтобы показать, как общество, в котором сформировался Маркс, отторгло его. Даже если бы этому обществу прочитали Маркса, оно не поняло бы то, что должно было понять, а именно: установить связь между теорией и практикой. По мнению Маркса, эта связь устанавливается тогда, когда рабочий класс обретает самосознание: «Это обретение сознания (поднимающегося класса) действует на расстоянии на интеллигенцию и путает мысли в их умах». Требовалось время, чтобы человек, поколение которого хотело знать свое место в реальной жизни, обрел конкретную форму эксплуатируемого рабочего, который производит условия жизни.

Почему экзистенциализм не растворился в марксизме? Почему он смог жить дальше и развиваться? Сартр опровергает объяснение Лукача, согласно которому интеллигенция как прослойка буржуазии, вынужденная отказаться от метода идеализма, не сделала нужный шаг

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 23. Жан-Поль Сартр (1905–1980)

к материализму, а изобрела третий путь: экзистенциализм. Объяснение Сартра иное. Марксизм остановился, это факт. Коммунистические лидеры испугались, что свободное владение правдой и мыслью ослабит идеологическую борьбу. Они решили подчинить исследования объективной реальности политике, что привело к фетишизму. Планирование навязывалось вопреки реальности: хотели построить метро в Будапеште, где не было соответствующих природных условий.

Марксизм стал идеализмом. Понятие о событии формировалось прежде, чем его изучат. Всему имеется объяснение априори. Такая болезнь поразила не только коммунистов, но и всех симпатизирующих или близких им. У Маркса, напротив, никогда не было идей априори. Он всегда ценил процесс как «частные суммы», которые собирался изучить. Каждому событию Маркс дает, кроме его частного значения, разоблачающую роль. Ибо принцип, которым руководствуется исследование, – это искать синтетическую совокупность. Любой только что установленный факт рассматривается и оценивается как часть единого целого. Именно на основе факта, путем гипотез определяется совокупность, внутри которой он найдет свое место. У современных марксистов больше нет такого отношения к факту. Принцип «искать все через его части» они заменили принципом «удалить частное». Таким образом, социальный и исторический опыт выпадает из области знания.

Американские исследователи считают, что наука работает лишь с фактами, не стремясь упорядочить их и включить в совокупность. У марксистов же наоборот. Появляется идея организации знания – в этом есть смысл, но нет фактов. Такой склероз не соответствует естественному старению философии. Марксизм остается философией нашего времени, он не завершен. Функцией экзистенциализма является обеспечение конкретного синтеза на основе имеющегося опыта, о чем полностью забывает коммунизм, пишет Хесс.

Проблема посредничества и вспомогательных дисциплин

Сартр объясняет, почему он не просто марксист. Так, если он согласен с Энгельсом и Гароди и тем, что марксизм является единственным учением, способным дать определение и место мысли, то именно это утверждение, которое удовлетворяет марксистов, не кажется ему достаточно определенным. В качестве примера он берет упрощение некоторой части критики Герена, относящейся к Французской революции. Объяснение через определение, которое заключается в классовой принадлежности той или иной группы, не вносит ясности в некоторые поступки, причины которых лежат в характере того или иного действующего лица или группы лиц.

«Почему мы реагируем отрицательно на блестящие и неверные доказательства Герена? Потому что конкретный марксизм должен изучать самих людей, а не растворять их в емкости с серной кислотой». И далее: «Марксистский формализм – это предприятие по уничтожению, Его метод отождествляется с Террором из-за однозначного отказа дифференцировать, его цель – полная ассимиляция при помощи минимальных усилий. Речь идет не о том, чтобы осуществить интеграцию разного как такового, сохраняя его относительную автономию, а чтобы его уничтожить: так, вечное движение к идентификации иллюстрирует унифицирующую практику бюрократов».

Для мыслящего человека, порвавшего с диалектическим методом, люди, их объективации и работа, наконец, человеческие отношения – это и есть самое конкретное, потому что они помещаются в свои уже известные социальные определения. В том обществе, которое мы знаем, любой новый факт (человек, действие, произведение) появляется как бы уже на своем месте. Прогресс мысли заключается в освещении самых глубинных структур своеобразием рассматриваемого факта, чтобы взамен быть в состоянии определить эту самобытность основными структурами. Существует двойное движение. Но марксисты не делают это движение. Они довольствуются наклейкой этикеток на происходящее: «идеалистическое», «империалистическое», «капиталистическое», не выявляя своеобразия того или иного произведения или книги. Отсюда постоянная фетишизация. Ленивый марксизм складывает все во все.

Примечание о методе Анри Лефевра

Далее Сартр отсылает к методу Анри Лефевра, который представляется ему «простым и безупречным для интеграции социологии и истории в перспективу материалистической диалектики». Сартр считает важным процитировать длинный отрывок, которым впоследствии подкрепляет весь свой метод. Лефевр в своих «Перспективах сельской социологии» сначала рассматривает действительность как горизонтальное построение. Речь идет о группе людей, обладающих техникой и определенной сельскохозяйственной продуктивностью, состоящих в связи с этой техникой, с социальной структурой, которую она определяет, и эта структура в свою очередь обуславливает технику. Эта группа также определяется национальным и мировым окружением, что дает массу аспектов, которые должны быть описаны (семья, жилище, религия). Но такую горизонтальную структуру необходимо наложить на перспективу вертикального или исторического построения. Оба построения действуют одно на другое. Автор замечает, например, что заселение деревень в Соединенных Штатах осуществлялось из городов. А это влечет за собой многочисленные последствия (технические, идеологические и т. д.).

Чтобы изучить построение подробнее и не потеряться в нем, Лефевр предлагает метод, включающий несколько моментов:

- а) описательный (наблюдение, но с использованием опыта и общей теории);
- б) аналитико-регрессивный (анализ действительности и попытка точно связать ее со временем);
- в) историко-генетический (попытка обнаружить настоящее, но истолкованное и понятое).

Сартр считает, что этот метод может быть использован во всех областях антропологии: «Только она выделяет своеобразие факта, позволяя делать сравнения».

Возвращение к умозаключению

Сартр возвращается к своему умозаключению, опираясь на пример Флобера. Он рассматривает детство последнего и делает вывод, что, по сравнению с детством Бодлера, этот период в жизни Флобера имел большее значение.

«Сегодняшние марксисты озабочены только взрослыми: читая их, создается впечатление, что мы рождаемся в том возрасте, когда зарабатываем свою первую получку».

Итак, дети живут в мире социальным опытом своих родителей. Факт вступления в семью следует за вами всю жизнь. Левин, интересующийся лишь формой группы, как и основная часть американских социологов, не вносит свои структурные находки в историчность (возможно, это связано с относительно короткой историей Соединенных Штатов). По мнению Левина, «социолог не имеет места, а если и имеет, то будет достаточно определенных мер предосторожности, чтобы его с этого места переместить», фактически же это неверно: у социолога иной статус, нежели у члена развивающейся группы.

Даже если существует относительная независимость социологии, надо постоянно включать в историчность социологический момент. Сартр основывает этот постулат на изучении вклада Кардинера в антропологию, которой надо найти место. Включение социологии в марксизм тем более просто, потому что она выдает себя за гиперэмпиризм, который легко поместить в контекст. То же самое относится и к другим отраслям знания, таким как, например, психоанализ.

Прогрессивно-регрессивный метод

Люди делают историю, но история их определяет. Как следует понимать эту идею Энгельса? «Механический» марксизм понял такое утверждение, заявляя, что в конечном итоге экономика определяет человека, который, следовательно, является пассивным продуктом, суммой обусловленных рефлексов. Маркс более сложен. Он считает, что в период

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 23. Жан-Поль Сартр (1905–1980)

эксплуатации человек одновременно является и продуктом своего собственного продукта, и историческим субъектом, который в любом случае не может сойти за продукт. По мнению Сартра, душевнобольного человека нельзя спутать с продуктом. Ибо человека характеризует наличие плана. Он же рождается из праксиса. Что-то делая, человек открывает то, что ему надо делать. Самое индивидуальное возможное является лишь внутренней частью и обогащением социального возможного. Все изменяется, если считать, что общество для каждого представляется как перспектива будущего. Это будущее мотивирует поведение. Существует диалектика субъективного и объективного, которую Сартр развивает.

Уже одним тем фактом, что мы живем, каждый из нас превосходит данное. Наш характер, наше образование вмешиваются в объективный мир: весь индивидуум принимает в нем участие. Индивидуальные праксисы со своими собственными характерами могут быть суммированы. Но план, чтобы обрести содержание, должен пройти этап оценки инструментальных возможностей. Обеспечение орудиями позволяет сделать проект объективным, конкретизировать его. Сартр приводит примеры из культуры. Но то же самое относится и к политическому, и к социальному действию: «Оно в основном вытекает из глубоких противоречий между потребностями, побуждениями к действию и ближайшей целью, с одной стороны, и коллективным набором инструментов социального пространства, иными словами, инструментарием праксиса, с другой».

Вот почему экзистенциализм интересует историческое событие. Человек определяется своим планом. Ему постоянно удается превзойти условие, которое ему поставлено. План, приобретая объективность, превосходит положение человека. Существование – это вечное вырывание всего тела у самого себя.

Заключение

После Кьеркегора мыслители уточняли «онтологическую область» существования. Человек по сути является историческим животным, которое определяется своим праксисом. Даже знание практично: оно изменяет уже известное. Изучая эту онтологическую область, экзистенциализм вынужден опираться на все ресурсы гуманитарных и антропологических наук. Его предметом является «человеческая сущность», которую надо изучать одновременно и диахроническим, и синхроническим способами. Человеческая действительность строится в плане, который как человеческий проект всегда понятен. Надо разъяснить это понимание.

В языке человек называет себя как объект человека, но язык оборачивается на себя, чтобы указать моменты постоянно действующего понимания, ибо оно является не чем иным, как самим существованием. Истинная роль «идеологий существования» – не описать абстрактную «человеческую действительность», которой никогда не было, а постоянно напоминать антропологии экзистенциальный размах изучаемых процессов.

Экзистенциализм вписывается в марксизм, чтобы заполнить в нем пробел. Работа как воспроизводство человеком своей жизни не может сохранить какой-либо смысл, если ее основной структурой не является планирование. Экзистенциализм должен принять участие в расшифровке Истории, состыковав для этого положение людей с их существованием, с тем отношением, которое они поддерживают с этим положением.

Как только марксистское исследование достигает человеческого масштаба, у экзистенциализма исчезнут основания существовать. По мнению автора, берясь за это эссе, Сартр хотел ускорить момент этого раскола.

Комментарий

Рассмотренное нами эссе утверждает, что марксизм – это «горизонт, который не превзойти в наше время». Что это: разрыв с предыдущим Сартром? Или наоборот: стыковка двух моментов философа? А могут ли они состыковаться? Вторая часть «Критики диалектического

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 23. Жан-Поль Сартр (1905–1980)

разума» дает ответ. Феноменология оказывает большую помощь в изучении субъективного исторического материализма. Индивидуальный праксис – это то, что позволяет понять историю. Сартр делает попытку сочленить индивидуальную свободу и историю, воспринимаемую не как овеществленный человеческий продукт, а в экономическом контексте раритета.

«Серийность», разделение, автоматизация людей – это от практико-инертного, учрежденного. Человек определяется группами, организациями, учреждениями, нациями, которые проходят сквозь него. Но в то же время выход за пределы учрежденного возможен, когда человек вмещивается в него и производит учреждающие действия (совместная группа). Диалектика учреждаемое/учреждающее выходит на новый вид учредительства, которое, в свою очередь, становится новым учрежденным, которое опять надо будет оспаривать и преодолевать.

Следовательно, диалектика является одновременно учреждающей причиной индивидуального праксиса, условием свободы и социальным двигателем. Будучи одновременно методом познания и законом производства исторической действительности, диалектика, таким образом, в то же самое время предстает и прозрачной, и замутненной. Но человек может преодолеть противоречие в сознании своей роли и своей работы на практико-инертном уровне.

Идиот в семье является практической реализацией «Проблемы метода». В этом сочинении Сартр применяет прогрессивно-регрессивный метод, чтобы ответить на вопрос: что можно знать о человеке сегодня? По мнению Хесса, эта книга, хотя и незаконченная, является как бы подведением итога творчества Сартра, синтеза философии и литературы.